

Он тщательно, сантиметр за сантиметром, счистил грязь с её подошв, а затем, под предлогом «доброты», кропотливо протер влажной салфеткой края её белых носков.

Все это время Нин Фу сжимала зубы, преодолевая жгучий стыд и позволяя своим ступням покоиться на его коленях.

Хань Цзинь же, казалось, вовсе не замечал её неловкости или мелкой дрожи. Он действовал уверенно и без тени сомнения, а когда надевал её обувь обратно, его пальцы случайно коснулись подъема её стопы — и по телу девушки пробежала мгновенная, почти болезненная судорога.

Нин Фу молчала, стиснув зубы. Ради достоинства принцессы она не могла признаться в том, как нелепы и дики для неё эти обычаи Да Ли, чтобы не вызвать насмешек этого чужеземца.

Когда Хань Цзинь поднялся и взглянул на неё, он увидел, что губы маленькой принцессы влажно блестят, а сама она выглядит так, словно вот-вот расплачется.

Он улыбнулся и мягко проговорил: — Ваше Высочество, не кусайте губы, вы можете пораниться.

Только тогда она пришла в себя, разжала зубы и смущенно опустила голову. Она тихо выдохнула, не желая продолжать разговор. Её ступни все еще горели, а ноги казались ватными.

Хань Цзинь отошел к окну, прополоскал полотенце и вернулся. Он взял край её шелкового платья и слегка потер ткань — всего через мгновение грязь исчезла.

Заметив взгляд Нин Фу, он пояснил: — Если грязь на юбке намокнет, отчистить её будет куда сложнее. Достаточно подождать, пока она подсохнет, и просто стряхнуть.

Нин Фу наконец встретила с ним взглядом. — Что?

— Подождите, я хотел вам кое-что дать.

Нин Фу широко раскрыла глаза и, встав, поспешно оттолкнула его. Она не знала, сердиться ей или нет: куда более интимные вещи между ними уже случались, причем с её собственного согласия. Теперь у неё не было причин злиться из-за такого пустяка.

Хань Цзинь подошел к полке, достал из деревянной шкатулки на третьем ярусе новый хлыст с гибкой рукоятью и протянул ей.

Нин Фу взвесила его на руке и почувствовала, что он намного легче прежнего. Тот, первый

хлыст, казался ей слишком тяжелым, а этот был в самый раз — изящный и удобный, явно предназначенный для того, кто не силен в боевых искусствах.

Нин Фу тихо ответила: — Благодарю.

Она сжала хлыст в ладони, и в сердце внезапно кольнуло чувство благодарности.

— Ранее я обещал возместить вам ущерб, подарив новый хлыст. Хотите попробовать?

Нин Фу тихо пробормотала, чувствуя, как краснеют кончики ушей: — Если больше ничего нет, я вернусь во дворец.

— Вините меня, — Хань Цзинь усмехнулся, явно довольный её замешательством. Он, не спрашивая разрешения, властно обхватил её за талию и уверенно поставил на пол.

Впрочем, она не могла винить одного лишь А Цзиня. Он был чужеземцем и не знал консервативных нравов Да Ли, не знал о строгих правилах приличия для девушек из знатных семей.

Хань Цзинь ответил: — Зачем куда-то идти? Тот хлыст, что я сломал, можно было починить. Я нашел его и восстановил, это было несложно.

Нин Фу молча приняла хлыст, стараясь не думать ни о чем лишнем. — Поздно уже, я... я правда должна идти.

Хань Цзинь не стал настаивать. Он знал, что сегодня и так получил достаточно — если он позволит себе еще хоть одну такую вольность, эта нежная принцесса наверняка расплатится от стыда.

— Хорошо. Вы придете завтра?

Он слегка наклонился, чтобы поймать её взгляд. Хань Цзинь любил быть с ней так близко.

Нин Фу отстранилась, пальцы в рукавах её платья судорожно сжались. Она не понимала, что с ней происходит: стоило ему подойти чуть ближе после того, как он держал её на коленях, как сердце начинало бешено колотиться, а по всему телу разливался жар.

Она сделала полшага назад и ответила уклончиво: — Возможно, не приду.

Она дала двусмысленный ответ, боясь, что прямой отказ покажется слишком наигранным. Ей не хотелось, чтобы он решил, будто она боится его или что сегодняшний случай слишком

сильно на неё повлиял.

— Во дворце есть дела? — допытывался он.

Нин Фу чувствовала, что у неё раскалывается голова. Она не могла придумать оправдание. Неужели ей сказать прямо, что она слишком стесняется, чтобы вести себя с ним как обычно?

Как она могла произнести вслух такие постыдные слова?

В конце концов, маленькой принцессе не оставалось ничего, кроме как подхватить подол платья и сбежать, так и не сказав, когда она вернется.

Хань Цзинь смотрел ей вслед. Он намеренно не стал ничего говорить: после их объятий изысканная прическа принцессы растрепалась, драгоценная заколка покосилась, а одежда помялась, что делало её вид еще более уязвимым и очаровательным.

Такая смущенная — она выглядела невероятно трогательно.

Но это ведь было только начало.

Бо Цин, долго дожидавшийся в боковой комнате, наконец дождался ухода Её Высочества.

С тех пор как он однажды случайно увидел, как хозяин притворяется больным, чтобы заставить принцессу обнять себя, он получил строгое предупреждение: если принцесса приходит, ему запрещено приближаться к внутренним покоям, даже если случится катастрофа.

Поэтому, услышав шаги принцессы, он поспешно скрылся. Он знал, что на уме у его господина, и не хотел рисковать жизнью, попадаясь им на глаза.

Войдя внутрь, Бо Цин все еще чувствовал легкую дрожь. И дело было не в трусости — просто тот, кто видел, как его господин безжалостно убивает людей, не моргнув глазом, вряд ли мог сохранять спокойствие, видя его гнев.

Человек перед ним был настоящим богом войны. И не всем так везло, как принцессе, чтобы этот бог войны был одержим ими до безумия.

Сложно было сказать, счастье это или проклятие. Ведь безумную собственническую любовь его господина мог вынести далеко не каждый.

Бо Цин низко склонил голову, не смея поднять глаз, и долго стоял в ожидании. Наконец раздался голос господина:

— Что с Цуй И?

Бо Цин стал серьезен: — После тайного наблюдения могу сказать, что вероятность около семидесяти процентов.

Хань Цзинь подошел к столу, задумчиво глядя в пространство. — Скрытые агенты в разных странах были расставлены моим отцом много лет назад. Даже принцы о них не знают. Они годами ждали в тени, подчиняясь только императорскому указу. Никто другой не имеет права ими командовать.

Бо Цин прямо ответил: — Третий принц обязан своим возвышением господину. Хотя господин еще не провозглашен новым императором, кто в Юнци посмеет не признать в вас регента? Если Цуй И действительно шпион Юнци в Да Ли, то сейчас — лучший момент доказать свою преданность. Он должен служить господину, не жалея жизни. Как он смеет отказываться?

Хань Цзинь лишь спросил: — Когда Цуй И снова будет дежурить в резиденции принцессы?

— Изначально он был приставлен наследным принцем Да Ли охранять Пятую принцессу, поэтому приходил каждый день. Но в последнее время в армии Да Ли что-то происходит, дел стало много, он не успевает, поэтому теперь приходит через день и не задерживается. Вчера Цуй И не появлялся, значит, должен прийти сегодня ближе к вечеру.

Хань Цзинь кивнул, словно ожидая такого ответа.

Юнци, властитель Севера, никогда не оставлял амбиций захватить Юг. Сейчас, когда Юнци проводит военные учения и концентрирует силы у границы, соседние малые государства насторожились.

Раньше военными учениями руководил сам Хань Цзинь. Теперь, когда он не в Юнци, вероятно, ими управляют военачальники из Теневой армии.

Хань Цзинь отбросил мысли в сторону, взял кисть, обмакнул в подсохшую чернильницу и на листе бумаги, где только что сидела принцесса, несколькими штрихами набросал тотем дракона.

Он смотрел на него мгновение, затем опустил глаза: — Когда увидишь Цуй И, приведи его ко мне.

— Слушаюсь!

Бо Цин уже собирался уйти, но Хань Цзинь окликнул его:

— Возьми эту книгу и сожги.

Бо Цин подошел и почтительно принял из рук господина книгу с пожелтевшей обложкой и потрепанными краями. На ней было написано несколько слов на языке Да Ли.

Женщины Да Ли... что-то там... обычаи?

Бо Цин не слишком хорошо знал язык Да Ли, он не разобрал два слова посередине.

Он почесал в затылке и, собравшись с духом, спросил: — Господин, это...?

Хань Цзинь подошел к полке, где лежали книги, перебирая их пальцами, и лишь спустя время ответил: — Обычаи брака у женщин Да Ли.

Это было название книги.

Бо Цин не понимал. Эта книга спокойно лежала на полке, почему хозяин вдруг решил её сжечь? До того как они заселились, здесь жил слуга, ухаживавший за садом, и книги были покрыты слоем пыли — ясно, что никто их не читал.

— Чего застыл? — нетерпеливо бросил Хань Цзинь холодным тоном.

Услышав этот ледяной голос, Бо Цин вздрогнул и не посмел больше медлить.

Разведя огонь во дворе, он начал разжигать его страницами книги. От нечего делать он случайно глянул в неё и увидел иллюстрации.

Украдкой взглянув на комнату, чтобы убедиться, что господин не выходит, Бо Цин принялся листать.

Но чем дальше он смотрел, тем больше недоумевал.

Сначала там были картинки стола с иероглифами «счастье», что было логично. Но дальше пошли рисунки двух людей — мужчины и женщины.

Бо Цин не понимал, почему на картинке мужчина снимает обувь с невесты и вертит её в руках, словно это величайшее сокровище.

Любопытство взяло верх, и он перевернул страницу. Следующий рисунок был крупнее.

Присмотревшись, он застыл, округлив глаза.

На картинке одежда персонажей была наполовину сброшена, а мужчина, развязав пояс, прижимал ступни невесты к своей пояснице. Рядом была подпись: «В брачную ночь жена служит мужу своими нефритовыми стопами — таков обычай Ли».

Что за чушь!

Лицо Бо Цина вспыхнуло, он тяжело задышал, а на лбу проступил пот.

Он хотел посмотреть, что дальше, но осознал, что остатки книги уже сгорели в печи.

Бо Цин сжал кулаки, прикрыл рот рукой, откашлялся, закрыл книгу и окончательно понял, почему господин приказал её сжечь.

Такие непристойные вещи не могли оставаться в резиденции принцессы. Даже если книга называлась безобидно, содержание было слишком развратным. Оставлять её на полке было недопустимо.

Наверное, господин случайно наткнулся на неё, испытал отвращение и поэтому приказал уничтожить.

Подумав об этом, Бо Цин сжег остатки книги, тщательно развеял пепел и пошел докладывать.

Но Бо Цин не знал, что господин не просто читал эту книгу, он изучал её страница за страницей.

Особенно его зацепила страница о «служении стопами». Он понял, что женщины Да Ли берегут свои ступни не меньше, чем само тело, если не больше.

И поэтому все его действия — снимать обувь, стягивать носки — конечно же, не были случайностью, как думала Нин Фу.

Он все знал. И все понимал.

Он делал это намеренно, чтобы прощупать её границы.

Глядя, как маленькая принцесса дрожит от смущения у него в руках, он сжал зубы — ему хотелось проделать с ней то, что было описано в следующей главе книги.

В следующий раз.

Ей не помогут даже слезы.

<http://bllate.org/book/21012/2136242>